

Лука закрыл дверь, за которой Сири и Хезер все еще пытались его уговорить, но он сделал вид, что ничего не слышит.

Раньше перед этими двумя он мог снять внешнюю оболочку и обнажить самые сокровенные желания.

Голоса снаружи становились все тише. Лука встал и направился в свою комнату. Его глаза были полны слез, но он шел, высоко поднимая пятки, словно на каблуках.

Он покачнулся, поднимаясь по лестнице. Хотя он был мужчиной, его фигура на экране выглядела изящно.

«Гнев Ли Саньлана, бросившего меня, заставил меня терпеть долгую ночь», — пропел он, и его голос, полный горечи и красоты, пронзительный и певучий, как у женского ампула дань, пробился сквозь дверь, ранив ту часть его души, что была похожа на маленькую девочку.

Лука вошел в свою комнату, закрыл дверь, словно запечатав и дверь в своем сердце. Он упаковал красивый вечерний наряд и женский джемпер в сумку и выбросил ее в подвал.

В комнате на стенах висели плакаты с футболистами, а в углу лежали баскетбольный и футбольный мячи.

Полицейская форма занимала весь шкаф.

Лука стоял спиной к камере, и хотя его плечи казались узкими, в них чувствовалась скрытая сила.

Он поднял руку, выключил свет и улегся в постель.

Таким был настоящий Лука.

— Кат!

Бенджамин крикнул и сразу же подозвал Чэн Пэнфэя:

— Это была пекинская опера? Какая именно?

Чэн Пэнфэй нашел на своем телефоне запись и показал ему:

— «Опьянение наложницы».

Он не знал, как перевести это название на английский, поэтому просто произнес его. Бенджамин повторил и кивнул:

— Красиво!

Чэн Пэнфэй улыбнулся и продолжил обсуждать сцену, а когда последний кадр был снят, наконец смог поговорить с молодым актером, который весь день бездельничал.

Они взяли куртки и вышли. Дун Чуань держал зонтик и спросил:

— Ты еще и это умеешь?

— Раньше слышал, как соседка пела. Она тренировала голос по четыре-пять раз в день, вот и

запомнил.

Чэн Пэнфэй задумался, как поживает бабушка Сюй. Выйдя из больницы, она, наверное, осталась одна.

Он почесал подбородок, размышляя, когда сможет навестить ее.

Они шли за Дун Чуанем, пока не оказались у очень дорогого ресторана.

Дун Чуань заказал столик у окна и ответил на звонок:

— Алло.

Чэн Пэнфэй заказал еду и услышал, как Дун Чуань со смехом сказал:

— Собака, ты доиграешься.

Поговорив еще немного, он повесил трубку и сказал:

— Чуть позже придет мой друг. Познакомлю вас, ладно?

— Друг?

— Да, мой близкий друг.

Чэн Пэнфэй улыбнулся и под столом взял руку Дун Чуаня. Она была холодной, и он начал согревать ее, говоря:

— Ты, наверное, с утра это задумал?

— Ага, — ответил Дун Чуань, сжимая его руку. — Мои родители сейчас за границей, и я не могу тебя им представить. Я столько лет был один, и теперь, когда наконец нашел любовь, не могу никому рассказать. Это просто пытка.

Он огляделся и тихо добавил:

— Пэнфэй, я хочу, чтобы все знали.

— Думаешь, Вэй Дун не снимет с тебя кожу? — подшутил Чэн Пэнфэй, но в душе ему было тепло.

Друг пока не пришел, и Дун Чуань заказал еду, чтобы накормить своего возлюбленного.

Он нарезал стейк и положил первую порцию Чэн Пэнфэю, а затем принялся за свой. Чэн Пэнфэй медленно ел, думая, что все считают его мягким и спокойным.

Но это было не так.

Они просто не видели, как Дун Чуань любит.

Его любовь была всеобъемлющей.

— Эй, вы уже едите? Ну ты даешь, Дун Очкарик! — В ресторан ворвался крепкий мужчина. Он передал свой чемодан официанту и, не поздоровавшись, сразу заказал еду.

Дун Чуань фыркнул:

— Пэнфэй, это мой друг Бай Угоу. Собака, это мой парень, Чэн Пэнфэй.

Бай Угоу улыбнулся ему:

— Мы всей семьей смотрели «Безумца». Моя жена плакала, когда ты умер, никак не могла успокоиться.

Дун Чуань, только что проглотив салат, возмутился:

— Пфф! Это Цзин Лантинь умер! Не он! Год только начался, а ты уже такие вещи говоришь?

Чэн Пэнфэй кивнул:

— Роль действительно трагичная.

Бай Угоу был другом Дун Чуаня со времен университета. Тогда Дун Чуань уже был известен, но конфликтовал с агентством и, не желая просить денег у семьи, жил у Бай Угоу, питаясь за его счет.

— Кстати, почему ты так поздно?

— По дороге увидел лотерею в торговом центре и решил поучаствовать.

— Я так и знал. — Дун Чуань, увидев недоумение Чэн Пэнфэя, объяснил:

— У него невероятная удача. Я даже в карты с ним не играю на Новый год — всегда проигрываю.

Бай Угоу, вспомнив это, разозлился, подперев щеку:

— Я тогда купил жене закуску и решил попробовать. Главный приз — однодневная поездка в Нью-Йорк, и я его выиграл.

Чэн Пэнфэй удивленно моргнул:

— Разве это не хорошо?

— Хорошо? Я же сам из Нью-Йорка! Это как если бы ты в Нью-Йорке выиграл поездку в Запретный город в Пекине! Зачем мне это?

Хотя Бай Угоу уже сменил гражданство, в его речи все еще чувствовался родной диалект, что делало его очень знакомым.

После ужина Чэн Пэнфэй пошел оплачивать счет. Дун Чуань толкнул Бай Угоу локтем:

— Ну как, мой парень? Очень красивый и обаятельный, правда?

— Брось, хватит сыпать собачьими объедками. — Бай Угоу посмотрел на часы. — Когда у вас будет время, приходите ко мне домой. Моя жена сейчас свободна, приготовит вам что-нибудь вкусное.

— Отлично.

Два месяца Дун Чуань провел с Чэн Пэнфэем на съемках, как невидимка выполняя все обязанности ассистента, а все дела компании бросил на Вэй Дуна.

Чэн Пэнфэй был так занят, что вспомнил о Ни Я и Ду Юэцю только после окончания съемок и на следующий день уже тянул Дун Чуаня обратно в Китай.

— Ты уверен? Там будет не так свободно.

Чэн Пэнфэй, складывая одежду, поднял голову:

— Что, боишься, что нас раскроют?

— А ты не боишься?

— Я прожил столько лет и никого не боялся. — Чэн Пэнфэй аккуратно сложил нижнее белье Дун Чуаня и убрал его в глубину чемодана. — Если нас раскроют и я не смогу больше работать в этой индустрии, то вернусь к подработкам. В худшем случае жизнь станет немного тяжелее, но это не страшно. Я еще не потратил гонорар за «Она», но если хочу содержать моего расточительного актера, то нужно еще поднакопить.

Дун Чуань, опершись на дверь, с серьезным видом кивнул, но не мог скрыть улыбку. Он достал телефон:

— Дорогой, улыбнись, я отправлю маме, чтобы она знала, какое счастье ей выпало — такой заботливый зять.

Чэн Пэнфэй не смутился и, глядя в камеру, широко улыбнулся.

Уговорив Дун Чуаня, Чэн Пэнфэй смог вернуться в Китай.

Только они приехали в город S, как Ни Я позвала Чэн Пэнфэя на обед, строго запретив брать с собой молодого актера.

Чэн Пэнфэй, судя по тону Ни Я, понял, что она уже догадалась о многом, и попросил Сяо Цзиня отвезти его в ресторан.

Ресторан был выбран агентом Ни Я, и меры безопасности были на высоте. Многие знаменитости приходили сюда. Даже Чэн Пэнфэй, который не особо разбирался в людях, встретил несколько знакомых лиц.

— Сяо Фэй! Сюда! — Ни Я в светлом джемпере махала ему рукой, а рядом сидел Ду Юэцю, только что подстригшийся под ноль.

— Дорога была загружена, вы уже заказали?

— Да, здесь шеф по сычуаньской кухне — просто мастер. Попробуй краба в остром соусе!

После прошлого инцидента их отношения стали гораздо ближе.

Ни Я не могла есть острое, поэтому съела немного краба, но выпила две бутылки воды. Вскоре она, чувствуя тяжесть в животе, сидела на стуле, покачивая головой.

— Как у вас дела с этим делом?

<http://bllate.org/book/15547/1413549>